

ГЛАВА II

В поисках точки опоры

*Знакомство с марксизмом • Адам Смит в подарок •
В мире запретной литературы • Кто виноват ?
И что делать? • Московский университет •
В лабиринтах социалистической экономики •
“Рыночный социализм”? • Институт системных
исследований • Готовых рецептов нет •
Только радикальная реформа!*

ОСЕНЬ 68-го. Снова Югославия. Белград встречает хмуро. В Сербии традиционно доброе отношение к русским, здесь их любят, пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире, может быть, за исключением Черногории. Сейчас, после пражских событий, настроение настороженное. Опасаются, что за вторжением в Прагу наступит очередь Югославии.

Мне хочется разобраться в том, что же произошло, в чем причины крушения уютного, светлого мира и справедливой идеи? Бросаюсь к книжкам. Именно тогда открываю для себя мир оригинального марксизма. Для многих моих современников знакомство с марксизмом прошло скучно, через школьное обществоведение, банальные, заезженные цитатки, поразительно унылые курсы исторического и диалектического материализма, нудную зубрежку.

Мне довелось открыть марксизм для себя по-другому — самостоятельно, следуя осознанному желанию разобраться в происходящем. Я помню, каким огромным событием стало знакомство с ним: “Коммунистический манифест”, первый том “Капитала”, “Анти-Дюринг”, “Происхождение семьи, частной собственности и государства” и, особенно, — том за томом работы Г.Плеханова.

Полученные ранее разрозненные знания по истории, от Момзена до Ключевского, приобрели вдруг внутреннюю гармонию, сложились в единую, логичную, убедительную картину мирового развития.

В Югославии круг разрешенного чтения был существенно шире, чем в Советском Союзе. Роясь в книгах Бернштейна, Гароди, Шика, постепенно проделываю путь, естественный для горячего энтузиаста марксистской методологии, пытающегося применить его к социалистическим реалиям. Бюрократия, как новый класс, вставшая над обществом, корни ее могущества в присвоении государственной собственности, противоречия между огосударствленной бюрократической собственностью и потребностями развития производительных сил, отсутствие стимулов к труду, инновациям — все это вырисовывается как важнейший экономический антагонизм бюрократического социализма.

Прочитанный "Новый класс" Милована Джиласа очень хорошо ложится на это формирующееся мировоззрение, подводит к осознанию необходимости покончить с монополией бюрократии на собственность. И перейти от бюрократического государственного социализма к социализму рыночному, базирующемуся на рабочем самоуправлении, широких правах трудовых коллективов, рыночных механизмах, конкуренции. А поскольку бюрократия по доброй воле собственность не отдаст, предстоит тяжелая борьба за нее. Борьба эта будет нелегкой, но успешной: ведь бюрократический социализм, это очевидно, не эффективен, он сковывает инициативу и самодеятельность людей, их свободу, а следовательно — и рост производительных сил. Все в точности по Марксу.

Но то, что кажется логичным в теории, на практике выглядит по-иному. Мне повезло, что я оказался в Югославии, ведь именно Югославия — полигон рабочего самоуправления и рыночного социализма. Хочу разобраться в перипетиях экономической реформы и понимаю бесконечную ограниченность собственных экономических знаний. Пытаюсь поправить дело. Старший брат Никита дарит книжку, ставшую любимой на десятилетия, — двухтомник

Адама Смита 1938 года, изданный в мягком переплете. Здесь другая — либеральная и тоже целостная картина мира.

Достаю изданный в 1963 году небольшим тиражом базовый университетский учебник экономики, очень популярный в эти годы в Америке, да, пожалуй, и по всему миру, — "Экономику" П.Самуэльсона. Убеждают прагматичный анализ и изложение закономерностей действия рыночных механизмов. И хотя остаюсь ортодоксальным марксистом в понимании закономерностей общественного развития, впервые закрадываются сомнения, а состоятельна ли микроэкономическая база "Капитала"? Или трудовая теория стоимости? Уж больно архаичны они в сравнении даже с упрощенным миром учебника Самуэльсона.

В Москве мне повезло: попадаю в школу № 152, лучшую из всех, в которых довелось учиться. Здесь необычно приятная, либеральная атмосфера. Литературу преподает Ирина Данииловна Войнович, моя любимая учительница, жена прекрасного писателя Владимира Войновича. Скучный, казенный курс русской литературы у нее становится живым, ярким. Сокращая до минимума время, отведенное учебным планом на изучение романа "Мать" Горького или "Любови Яровой" Тренева, Ирина Данииловна посвящает нас в российскую поэзию серебряного века, вместе с нами обсуждает прозу М.Булгакова, ведет диспуты по произведениям А.Солженицына. В классе очень много интересных ребят. Мои ближайшие друзья — Витя Васильев и Юра Заполь. У нас тесная, дружная компания. У каждого есть свои сильные стороны. Виктор, впоследствии российский математик с мировым именем, показал мне, как надо щелкать задачи математических олимпиад. Юра Заноль, во время реформ ставший одним из крупнейших предпринимателей рекламного бизнеса, тогда поражал меня способностью играть в шахматы "вслепую".

Вместе обсуждаем традиционные русские вопросы — кто виноват, что делать? В оценке брежневской действительности, идиотизма происходящего разногласий нет. Вопрос: можно ли что-нибудь изменить, если можно, то как? Идти в народ, клеить листовки, разворачивать пропаганду, готовить покушения на Брежнева и Андропова? Убедительных ответов нет. Постепенно приходит понимание, что советское общество при всем его видимом несовершенстве, при всем ханжестве идеологии, при очевидных экономических глупостях административной экономики на редкость устойчивая система, никакими булавочными уколами ее не поколебать.

В 1973-м поступаю на экономический факультет Московского государственного университета. Учиться и легко, и сложно. Стержень обучения, его основа — марксистская экономическая ортодоксия. К концу обучения студент-отличник должен знать близко к тексту три тома “Капитала”, уметь жонглировать цитатами. Это, разумеется, не отменяет необходимости знать десятки других работ Маркса, Энгельса, Ленина, партийных документов. Суть задачи образования — подготовить специалистов, которые мастерски могут обосновать любые меняющиеся решения партии ссылками на авторитет основоположников марксизма-ленинизма. Учиться просто, потому что базовые работы я хорошо знаю. Цитаты отскакивают у меня от зубов, как “дважды два — четыре”.

И вместе с тем все больше накапливается чувство дискомфорта, неудовлетворенности: искусство софистики, игра тезисами, идеологическая “гибкость” не дают ощущения состоятельности изучаемой науки. Спасает университетская библиотека, она открывает огромные возможности для самообразования. Рикардо, Милль, Бем-Баверк, Джевонс, Маршалл, Пигу, Кейнс, Шумпетер, Гэлбрейт, Фридман и многие, многие другие. Знакомство с первоисточниками не слишком поощряется, но и не возбраняется.

Постепенно к чувству удовлетворенности от

прибывающих знаний примешивается сложное чувство осознания краха прежних, казалось бы, прочно устоявшихся убеждений, по швам трещит каркас сформировавшегося юношеского мировоззрения. Именно в это время выявляется несовершенство всей конструкции "Капитала", становится ясно, что в марксизме интересны не конкретные экономические рассуждения, а самалогика социально-исторического процесса. В этой области работы Маркса остаются убедительными.

Труднее принять другое. Когда начинаешь детально разбираться во внутренних несущих конструкциях рыночного социализма, понимаешь — работать все это по-настоящему эффективно не может. Как заставить предприятия, действующие в условиях рабочего самоуправления, создавать новые рабочие места? Как обеспечить перераспределение капитала в пользу быстро растущих хозяйственных звеньев? Как решать вопросы резкой дифференциации заработной платы на предприятиях? Эти проблемы накладываются на известные мне югославские реалии, за которыми продолжаю внимательно следить. И становится очевидным, что экономика Югославии обрекает страну на безработицу и ускоряющуюся инфляцию. И уж никак не годится на роль образца счастливого будущего.

В результате оказываюсь в интеллектуальном тупике. Государственный социализм создает экономическую базу для всевластия бюрократии, рыночный — все более очевидно демонстрирует свою неэффективность.

Постепенно приходит убеждение, что готового теоретического ответа на все эти проблемы просто не существует. И значит, надо лезть вглубь, разбираться в деталях, в том, как на практике работает социалистическое хозяйство, изучать экономику предприятий, реальные механизмы их взаимодействия с партнерами, трудовым коллективом, вышестоящим начальством.

Остро не хватает практических знаний. Хотя с жизнью на практике знаком совсем неплохо. Я рано женился. Наверное, потому, что с детства вел семейный бюджет, не мог себе позволить брать у родителей деньги. Наша молодая студенческая семья жила скромно. С друзьями Аркадием **Вилитенко**, Сергеем Богдановым, Рубеном **Саакяном**, Сашей **Пагоным** ходили разгружать вагоны. Потом начал переводить с английского для ИНИОНа. После одного из семинаров доцент, впоследствии профессор кафедры экономики промышленности, **Виталий Исаевич Кошкин** позвал меня к себе, сказал, что хочет быть моим научным руководителем, предложил специализироваться по кафедре экономики промышленности и тут же зачислил на хоздоговор, который кафедра выполняла по заказу Министерства электротехнической промышленности. Кафедра давала возможность работать с конкретной экономической информацией, да и деньги были в высшей степени нелишними, поэтому предложение с удовольствием принял.

Виталий Исаевич стал моим руководителем по дипломной работе, потом кандидатской. Мы написали с ним вместе много статей, пару книжек. **В.И.Кошкин** — человек совершенно неумной энергии, иногда мешающей ему в научной работе. У **Виталия Исаевича** есть свойство, не так уж часто встречающееся у преподавателей, — ему действительно интересны студенты, он любит с ними работать, умеет отслеживать толковых ребят, вовлекать их в круг своих научных поисков. Позже, в 1992 году, он создал и возглавил “Высшую школу приватизации”. Несмотря на разногласия по различным конкретным экономическим вопросам, мы с ним навсегда остались друзьями.

Итак, специализируюсь по кафедре экономики промышленности. Дипломная работа — “Показатели оценки деятельности в хозрасчете предприятий (на примере электротехнической промышленности)”.

Сходными темами продолжаю заниматься и в аспирантуре. Все в большей мере проникаюсь убеждением, что иерархическая экономика, подменившая рынок бюрократическими связями, обладает своими специфическими закономерностями, ничего общего не имеющими с банальными законами политэкономии социализма, как, впрочем, и с предельно упрощенными моделями командной экономики, которыми оперирует экономическая советология.

В 80-м году досрочно защищаю кандидатскую диссертацию, К этому времени точно знаю, что буду делать дальше. Хороший знакомый отца, профессор-экономист Валентин Терехов, с которым немало спорили о проблемах экономических реформ при социализме, давно зовет к себе в Международный научно-исследовательский институт проблем управления, созданный совместно с Чехословакией, ГДР, Польшей, Венгрией, Болгарией, Кубой, он там заместитель директора. Это как раз то, что мне надо, ведь я специализируюсь по теме сравнительного исследования хозяйственных механизмов.

Получаю из института заявку на распределение. И тут меня ждет, пожалуй, первая в жизни закавыка, связанная с фамилией. Нужно формальное утверждение Государственного комитета по науке и технике. Если бы речь шла об Иванове или Сидорове — оно чистая формальность, младшие научные сотрудники — не главная проблема комитета. А тут Гайдар. Раз Гайдар — значит, по блату. Если по блату — то почему не как принято, не через начальство, без звонка по вертушке?.. Разумеется, безработица мне не грозит, у меня немало других предложений, зовут в Институт экономики Академии наук, предлагают сектор в одном из отраслевых институтов, но все это не соответствует тому, на что настроился и чем собираюсь заниматься.

Впрочем, нет худа без добра. С подачи того же Валентина Федоровича Терехова поступаю во Всесоюзный научно-исследовательский институт систем-

ных исследований (ВНИИСИ), там тоже предполагается развернуть работы по анализу экономических реформ в соцстранах. Так я оказался в коллективе, работа в котором стала для меня важным жизненным этапом. Этот институт был создан в 1977 году заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике Джерменом Гвишиани, который и стал его директором. По идее институт должен был представлять собой советский аналог "Рэнд корпорэйшн": объединив способных экономистов, математиков, системщиков, философов, специалистов по организационным структурам, развернуть серьезные теоретические исследования и решать самые сложные задачи государственного масштаба. Место Джермена Гвишиани, зятя Косыгина, в формальной и неформальной иерархии советского общества того времени обеспечивало институту хорошие связи, а следовательно, и относительную идеологическую автономию.

Если экономический факультет МГУ, на котором мне довелось до этого учиться и работать, проходил по ведомству, возглавляемому серым кардиналом политбюро Михаилом Сусловым, и находился под самым жестким идеологическим контролем, то здесь господствовало влияние тех, кто отвечал за экономику, реальные хозяйственные процессы, кто вынужден был постоянно сталкиваться с трудно разрешимыми проблемами социалистической экономики. А потому мы имели право на гораздо большее свободомыслие.

Показательный штрих: на экономическом факультете МГУ идет кампания по увольнению заведующего кафедрой математических методов анализа экономики Станислава Шаталина — за идеологическую неблагонадежность его лекций, за пристрастие к "вульгарно-экономическим" теориям Запада. Здесь же, в институте, он успешно руководит ведущим экономическим отделом, на него замыкаются исследования, связанные с анализом уровня жизни, структу-

рой советской экономики, долгосрочным прогнозированием.

Нашу институтскую лабораторию возглавляет профессор Вадим Павлюченко. Поначалу он встретил меня недоверчиво, тоже принял за блатника. Потом, прочитав мою первую записку о подавленной инфляции в Польше, начал смотреть совсем другими глазами. И с тех пор, вплоть до его гибели в автокатастрофе в 84-м году, мы оставались близкими друзьями и единомышленниками.

Вспоминаю работу в институте с самыми добрыми чувствами. Постепенно здесь сложился интересный коллектив. В нашей лаборатории работали Владимир Герасимович, Олег Ананьин, Петр Авен, Вячеслав Широнин, Марина Одинцова. Основная сфера исследований — закономерности развития социалистического хозяйственного механизма, сравнительный анализ экономических реформ социалистических стран.

Во ВНИИСИ исчезла привычная по экономическому факультету двойственность — жесткое разделение того, что можно обсуждать открыто, и того, о чем можно думать, но ни в коем случае не высказывать вслух в официальной обстановке научного семинара. Здесь можно обойтись без "кукиша в кармане", обсуждать самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую "чистоту" суждений.

Такая же атмосфера царила и на семинарах родственного нам Центрального экономико-математического института. Когда я впервые попал на такой семинар, руководимый Николаем Петраковым, с трудами которого был давно знаком, появилось ощущение, что вот-вот собравшихся потащат в кутузку. Но именно такое деидеологизированное открытое обсуждение, жесткая постановка вопросов и высвечивали по-настоящему масштаб тех проблем, с которыми столкнулась социалистическая экономика.

Попытаюсь вкратце описать их так, как виде-

лись они мне в то время. Беспрецедентные масштабы изъятия ресурсов из сельского хозяйства, жесточайшая эксплуатация загнанного в колхозы закрепощенного крестьянства позволили обеспечить масштабные государственные капиталовложения и в сжатые сроки сформировать индустриальную структуру, во многом скопированную по образцам ушедших далеко вперед капиталистических экономик.

Но в результате экономика превратилась в заложицу села. И как только масштабные ресурсы аграрного сектора оказались исчерпанными, наступил кризис социалистического роста. Особенно наглядно он проявился в начале шестидесятых годов, когда доля сельского населения опустилась ниже 50-процентной отметки. Тяжелый кризис сельского производства заставил направлять инвестиционные ресурсы на сей раз уже туда, а долгосрочные аграрные проблемы открыли дорогу первым масштабным закупкам зерна, поставившим впоследствии страну в зависимость от зернового импорта. В этой ситуации проявились неизбежные и очень болезненные побочные эффекты социалистической индустриализации: бюрократизация хозяйственной жизни, структурная негибкость, неспособность перераспределять ресурсы в пользу наиболее динамичных хозяйственных звеньев. Сложившиеся в ходе индустриализации предприятия и целые отрасли продолжали существовать и даже расти практически вне всякой связи с эффективностью их работы. По сути, они уподобились пробуксовывающей машине: колеса крутятся, а движения вперед нет.

Постепенно выявляются все новые и новые структурные пороки социалистической экономики. Нет механизма постоянного генерирования и отбора эффективных инноваций, нет действенных стимулов к полноценному труду, к повышению качества продукции, научно-техническому прогрессу. Основные ресурсы концентрируются в оборонном секто-

ре, лишь здесь существует реальная конкуренция с потенциальным противником.

Становится все более очевидным, что социалистическая индустриализация по природе влияния на экономическое развитие подобна допингу в спорте: позволяет на какой-то отрезок времени форсировать темпы роста, но ценой разрушения саморегулирующих функций организма.

Кризис социалистического накопления, порожденный исчерпанием ресурсов обескровленной российской деревни, сглаживается на какой-то срок открытием богатейших нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Именно они создали иллюзию благоденствия и стабильности брежневской эпохи и позволили на какое-то время отложить решение проблем коренной реорганизации социально-экономической структуры. Но с начала восьмидесятых стало очевидно, что эта кислородная подушка иссякает. Наиболее богатые месторождения вступают в фазу падения добычи и требуют новых, все более масштабных капитальных вложений. Доля топливно-энергетического сектора в структуре инвестиций постоянно возрастает, а за счет чего ее наращивать — неясно. Изуродованная социальная структура деревни как сквозь песок пропускает капитальные вложения, направляемые в этот сектор, их отдача минимальна, а по многим направлениям — просто нулевая. Мало-мальски удовлетворительное продовольственное снабжение Москвы, Ленинграда, закрытых городов поддерживается, в первую очередь, за счет импортных продуктов.

Все более отстает от лучших мировых образцов машиностроение, доля его в экспорте на конвертируемую валюту составляет лишь три процента. Растет износ основных фондов на транспорте. Далеки от современного мирового уровня нефтехимия, химия, усугубляется технологическая архаичность металлургии. Долгосрочные прогнозы говорят о неизбежном падении темпов экономического роста, на-

прашивается вывод, что эти темпы в недалекой перспективе снизятся до нулевой отметки, а то и до отрицательных величин.

Становится совершенно очевидным, что, не запустив рыночные механизмы, принципиальных проблем советской экономики не решить: без глубоких рыночных реформ кризис ее будет углубляться и раньше или позже, но неизбежно перейдет в острую форму. Очевидно и то, что поворот на последовательно рыночный путь развития невозможен по политическим мотивам. Как выйти из порочного круга?

Убеждаюсь, что в данной ситуации простых решений нет. Видимо, единственно возможный осмысленный путь — попытаться сформировать предпосылки постепенного эволюционного поворота экономики на западный путь развития. И сделать это до того, как социалистическая экономика войдет в фазу саморазрушения. Иными словами, цель-минимум состоит в том, чтобы с наименьшим ущербом выйти из социалистического эксперимента, подталкивая власть в направлении постепенных рыночно ориентированных либеральных реформ, осуществляемых в рамках системы и, вместе с тем, создающих условия для радикальной системной трансформации.

Экономические реформы в Китае — безусловный образец для подражания, но, кажется, ту точку исторического развития, с которой они начаты, мы прошли уже в конце пятидесятых. В начале восьмидесятых так мягко свернуть на этот путь невозможно. Слишком далеко зашел склероз экономики. А значит, и процесс реформ пойдет существенно сложнее, чем в Китае. Очень интересна Венгрия с ее упорядоченными реформами, постепенно создающими базу рыночного развития. Но окажется ли советская политическая элита достаточно гибкой, чтобы свернуть на такой путь? Или ее косность, консерватизм проложат дорогу экономическому развалу, катастрофическому крушению режима, полномас-

штабной антикоммунистической революции в наченной ядерным оружием империи?

Именно эти вопросы были для меня главными к тому времени, когда жизнь заставила прикоснуться на практике к самым серьезным альтернативам экономической политики советского государства.